

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

ОКТЯБРЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ
1914

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПОДЪ ЗНАКОМЪ ДѢВЫ. Стихотворенія.—Александра Блока . . .	1
II. НА ГОРѢ И ПОДЪ ГОРОЙ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Часть первая. Главы I—XI.—В. А. Мартовскаго	5
III. ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. Маркиза де Сегюръ. (<i>Marquis de Ségur.</i> <i>Julie de Lespinasse</i>). Съ французскаго.—Перев. Л. П. Гончаровой. <i>Продолженіе</i>	48
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Валерія Брюсова	106
V. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА. Разсказъ.—Н. Н. Киселева	108
VI. НОВЕЛЛЫ. Джованни Панини. Съ итальянскаго.—Перев. М. М. Симо- новичъ	120
VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Евгенія Геркена	141
VIII. ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.—Любови Гуревичъ	144
IX. ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.—Валерія Брюсова	164
X. СУДЬБА ЛЕРМОНТОВА.—Сергѣя Дурылина	1
XI. ВОЙНА. Статья Максимилиана Гардена. Съ нѣмецкаго	31
XII. ЕВРОПЕЙСКІЙ КОНЦЕРТЪ И ВОЙНА 1859 ГОДА.—Ал. Вѣчевого	44
XIII. ВЪ ЧЕМЪ ПОВѢДА?—Александра Витмера. <i>Окончаніе</i>	61
XIV. ВОЙНА И НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ ГЕРМАНИИ.—В. Э. Дена	77
XV. ВОЙНА И ДѢТИ.—А. М. Обухова	88
XVI. ВОЙНА ЗА МИРЬ.—С. А. Котляревскаго	94
XVII. НА ПЕРЕВАЛѢ. Чѣмъ грозятъ Россіи?—А. С. Иагоева	99
XVIII. КОРОЛЬ КАРЛЪ РУМЫНСКІЙ.—И. О. Левина	107
XIX. АНГЛІЯ И ЕЯ КОЛОНИИ. Письмо изъ Лондона.—С. И. Рапопорта	113
XX. ЛЕРМОНТОВЪ И СОВРЕМЕННОСТЬ.—Е. А. Колтоновской	122
XXI. НАЧАЛО ВОЙНЫ. Опытъ дипломатической исторіи.—Бар. Б. Э. Нольде	127
XXII. СУДЬ ИСТОРИИ.—Петра Струве. <i>Продолженіе</i>	165
XXIII. ДЕЛЬБРЮКЪ ОБЪ ОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ 1908—1909 гг.	175
XXIV. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.—Н. Нордова	182
XXV. ПРЕДВѢСТНИКИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—П. С.	195
XXVI. ЖАНЪ ЖОРЕСЬ —ВЕЛИКІЙ ОРАТОРЪ - ПАСИФИСТЪ.—Петра Струве	197
XXVII. ПАМЯТИ О. О. ОЛЬДЕНБУРГА.—Петра Струве	203
XXVIII. КНИЖНЫЯ НОВОСТИ	207
XXIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ПЯТЫЙ

КНИГА X

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1914

РАССКАЗЫ

СЕРИЯ

СЕРИЯ

СЕРИЯ

КНИЖКА

Типо-литография Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПОДЪ ЗНАКОМЪ ДѢВЫ. Стихотворенія. — Александра Блока	1
II. НА ГОРѢ И ПОДЪ ГОРОЙ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Часть первая. Главы I—XI.—В. А. Мартовскаго	5
III. ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. Маркиза де Сегюръ. (<i>Marquis de Ségur. Julie de Lespinasse</i>). Съ французскаго.—Перев. Л. П. Гончаровой. <i>Продолженіе</i>	48
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Валерія Брюсова	107
V. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА. Разсказъ.—Н. Н. Киселева	108
VI. НОВЕЛЛЫ. Джованни Папини. Съ итальянскаго.—Перев. М. М. Симоновичъ	120
VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Евгенія Геркена	141
VIII. ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.—Любови Гуревичъ	144
IX. ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.—Валерія Брюсова	164
X. СУДЬБА ЛЕРМОНТОВА.—Сергѣя Дурылина	1
XI. ВОЙНА. Статья Максимилиана Гардена. Съ нѣмецкаго	31
XII. ЕВРОПЕЙСКІЙ КОНЦЕРТЪ И ВОЙНА 1859 ГОДА.—Ал. Вѣчевого	44
XIII. ВЪ ЧЕМЪ ПОБѢДА?—Александра Витмера. <i>Окончаніе</i>	61
XIV. ВОЙНА И НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ ГЕРМАНИИ.—В. Э. Дена	77
XV. ВОЙНА И ДѢТИ.—А. М. Обухова	88
XVI. ВОЙНА ЗА МИРЪ.—С. А. Котляревскаго	94
XVII. НА ПЕРЕВАЛѢ. Чѣмъ грозятъ Россіи?—А. С. Изгоева	99
XVIII. КОРОЛЬ КАРЛЪ РУМЫНСКІЙ.—И. О. Левина	107
XIX. АНГЛІЯ И ЕЯ КОЛОНИИ. Письмо изъ Лондона.—С. И. Рапопорта	113

	<i>Стр.</i>
XX. ЛЕРМОНТОВЪ И СОВРЕМЕННОСТЬ.—Е. А. Колтоновской	122
XXI. НАЧАЛО ВОЙНЫ. Опытъ дипломатической исторіи.— Бар. Б. Э. Нольде	127
XXII. СУДЪ ИСТОРИИ.—Петра Струве. <i>Продолженіе</i>	165
XXIII. ДЕЛЬБРЮКЪ ОБЪ ОПАСНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙ- НЫ ВЪ 1908—1909 гг.	175
XXIV. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. Н. Нордова	182
XXV. ПРЕДВѢСТНИКИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—П. С.	195
XXVI. ЖАНЪ ЖОРЕСЪ—ВЕЛИКІЙ ОРАТОРЪ-ПАСИФИСТЪ.— Петра Струве	197
XXVII. ПАМЯТИ Ө. Ө. ОЛЬДЕНБУРГА.—Петра Струве	203
XXVIII. КНИЖНЫЯ НОВОСТИ	207
XXIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по **субботамъ** отъ 2—5 ч.

Секретарь—по **средамъ** отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

Судьба Лермонтова. ¹⁾

(Григорію Алексѣевичу Рачинскому.)

Когда твой голосъ, о поэтъ,
Смерть въ вышнихъ звукахъ остановитъ.
Боратынскій.

I.

Гоголь, со словъ Жуковского, опредѣлилъ существо лермонтовской поэзіи словомъ *безочарованіе*. Этимъ же словомъ, по справедливости, должно опредѣлить наиболѣе общее впечатлѣніе не только отъ поэзіи но и отъ личности Лермонтова. Безочарованіемъ вѣяло отъ Лермонтова, на его современниковъ, читателей, критиковъ, изслѣдователей его жизни и творчества. О Пушкинѣ до насъ дошли воспоминанія товарищей, сверстниковъ, современниковъ, по которымъ возможно прослѣдить день за днемъ его жизнь. О Лермонтовѣ мы не знаемъ многого и, быть можетъ, самаго главнаго ²⁾; къ тому же, что повѣствуютъ о немъ знавшія его лица, хочется отнести съ двойнымъ недоумѣніемъ: словно о Печоринѣ, а не о Лермонтовѣ пилуютъ они свои воспоминанія. Сохранились почти всѣ, даже самыя интимныя, письма Пушкина, даже „Донъ-Жуанскій списокъ“; писемъ Лермонтова почти не дошло до насъ. Какой-то злой рокъ замѣшался въ судьбу лермонтовскихъ рукописей: сохранились достовѣрные тексты „Госпиталя“ и „Уланши“ и не дошло до насъ подлинной или сколько-нибудь достовѣрной рукописи окончательной редакціи „Демона“.

Люди различныхъ эпохъ, различнаго душевнаго строя, умственныхъ силъ, религіозныхъ устремленій сходились въ общемъ безочарованіи отъ Лермонтова.

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Религіозно-Философскомъ обществѣ памяти Вл. Соловьева, въ Москвѣ.

²⁾ Это утверждаетъ и новѣйшій изслѣдователь Лермонтова, редакторъ академическаго изданія, проф. Д. И. Абрамовичъ: „Фактический матеріалъ для біографіи Лермонтова очень невеликъ и малозначителен“ (т. V, I).

Гоголь въ статьѣ о русской лирикѣ удѣлилъ Лермонтову мѣста менѣе, чѣмъ Языкову. Цѣнитель и другъ Жуковского, Пушкина и Гоголя, Плетневъ далъ такую оцѣнку Лермонтова: „Это былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Придетъ время, и о Лермонтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ“. Боратынскій, лирически столь близкій къ лермонтовскому безочарованію, писалъ жепѣ: „Познакомился съ Лермонтовымъ... человѣкъ безъ сомнѣнія съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что-то нерадушное“. Бѣлинскій, жаждавшій свиданія съ Лермонтовымъ, восторгаясь въ разговорѣ при первой встрѣчѣ Вольтеромъ и получивъ въ отвѣтъ отъ поэта утверженіе, что „если-бъ Вольтеръ явился теперь къ намъ въ Чембарь, то его ни въ одномъ порядочномъ домѣ не взяли бы въ гувернеры“,—воскликнулъ Сатину въ негодованіи:—„Вотъ важность написать нѣсколько удачныхъ стиховъ! Отъ этого еще не сдѣлаешься поэтомъ и не перестанешь быть пошлякомъ!“

Впослѣдствіи Бѣлинскій перемѣнилъ мнѣніе о Лермонтовѣ, но это мнѣніе раздѣлялось едва ли не большинствомъ знавшихъ Лермонтова людей. Знаменитый покоритель Кавказа, кн. Барятинскій, товарищъ Лермонтова, называлъ его „самымъ безнравственнымъ человѣкомъ“ и „посредственнымъ подражателемъ Байрона“. Декабристу Лореру, встрѣчавшемуся съ Лермонтовымъ на Кавказѣ, „онъ показался холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ рода человѣческаго вообще“. Юноша Тургеневъ, мелькомъ видѣвшій поэта на маскарадѣ, успѣлъ однако замѣтить: „какой-то сумрачной и недоброй силой... вѣяло отъ его лица“. Иванъ Аксаковъ, противопоставляя Тютчева Лермонтову, не затруднился сказать о всей лермонтовской поэзіи: „Поэзія Лермонтова—это тоска души, болѣющей отъ своей собственной пустоты вслѣдствіе безвѣрія и отсутствія идеаловъ“. Достоевскій выразился про своего Ставрогина: „въ злобѣ выходилъ прогрессъ даже противъ Лермонтова“. Вл. С. Соловьевъ только завершилъ исторію всеобщаго *безочарованія* Лермонтовымъ, устрасая за религіозную судьбу Лермонтова, въ которомъ „демонъ кровожадности“ къ концу жизни уступилъ „большую часть своей силы своему брату, демону нечистоты“. Вл. Соловьевъ опредѣлилъ религіозную судьбу Лермонтова, какъ *ибель*, а долгъ читателей Лермонтова увидѣлъ въ томъ, чтобы обличеніемъ демонизма, обуявшаго Лермонтова „демона гордости“, „уменьшить хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душѣ“.

Защитительная рѣчь Мережковскаго не заглушила страшнаго соловьевскаго увѣщанія: ибо Мережковскій, противопоставляя несмирившагося Лермонтова смирившимся Пушкину, Достоевскому и Л. Толстому,

говорилъ о поэтѣ, когда не „смиралась души его тревога“, самъ же Лермонтовъ жаждалъ именно тѣхъ часовъ,

Когда смирается души моей тревога.

Если большинство вспоминавшихъ о Лермонтовѣ и его судьбѣ вспоминали въ сущности о Печоринѣ и его судьбѣ, то писавшіе о поэтѣ-Лермонтовѣ въ большинствѣ случаевъ писали, конечно, не о великомъ русскомъ поэтѣ, а о посредственномъ байронистѣ или рядовомъ чловѣкѣ 30-хъ годовъ. Авторъ единственной большой монографіи о Лермонтовѣ, почетный академикъ Котляревскій, начинаетъ свою книгу признаніемъ: „Лермонтовъ былъ для насъ прежде всего крупнымъ типомъ русскаго интеллигентнаго чловѣка 30-хъ гг., а его поэзія—матеріаломъ для исторіи его времени“. Поэзія Лермонтова приравнена здѣсь къ дневнику Никитенка, письмамъ Станкевича, воспоминаніямъ Пассекъ, ибо все это не менѣе, если не болѣе, важный матеріалъ для сужденія о русскомъ интеллигентѣ 30-хъ гг. По мнѣнію того же изслѣдователя, Лермонтовъ „страдалъ отъ того, что его идеалы не укладывались ни въ опредѣленную умозрительную формулу, ни въ практическую программу“, т.-е. великій поэтъ страдалъ только отъ того, что не воспринялъ русское „кое-что“ изъ Гегеля въ передачѣ Михаила Бакуннина или Виссаріона Бѣлинскаго, или отъ того, что не принялъ „практической программы“ какого-нибудь фурьеристскаго кружка.

О байронизмѣ Лермонтова мы узнаемъ раньше, чѣмъ узнаемъ самого Лермонтова: еще на школьной скамьѣ. Напрасно создаетъ Лермонтовъ творенія, невозможныя для Байрона: „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“, Максима Максимыча, „Вѣтку Палестины“, напрасно еще юношей завѣряетъ насъ поэтъ: „Нѣтъ, я не Байронъ, я другой, еще невѣдомый избранникъ... съ русскою душой“. Мы больше вѣримъ Спасовичу, чѣмъ поэту. вмѣсто Михаила Лермонтова—Григорій Печоринъ, вмѣсто Михаила Юрьевича Лермонтова—лордъ Джорджъ Байронъ: „Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Лермонтова,—пишетъ Спасовичъ,—зато выступило все багровое, злобное, демоническое, съ такою силою, что для людей, которые приноровились распознавать чловѣка по его манерѣ писать, по его пошибу, лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона“.

Въ сферѣ историко-литературной Спасовичъ сказалъ здѣсь то же, что Вл. Соловьевъ въ области религіозной. Утвержденіе Спасовича, что *свѣтло-голубое* окончательно исчезло у Лермонтова и его смѣнило „все багровое, злобное, демоническое“, Вл. Соловьевъ, писавшій позднѣе, только перевелъ на иной языкъ, утверждая, что все *доброе* исчезло у Лермонтова и въ душѣ его „завелось цѣлое демоническое хозяйство“. Даже о Печоринѣ были бы несправедливы всѣ эти приговоры, которые

произнесены о Лермонтовѣ: они всѣ знаютъ Печорина смѣющагося, глумящагося, и не знаютъ Печорина *плачущаго*. А онъ плакалъ: „Я упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ. Я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ“. Какъ этихъ слезъ Печорина, не замѣтили и слезъ Лермонтова.

Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся.

Это признаніе поэта оказалось пророческимъ. Пророческими, точно-сбывшимися оказались и другія его признанія.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать.
.....
Кровавая меня могила ждетъ (1831 г.).

Въ 1837 году онъ повторяетъ то же:

Настанетъ часъ кровавый,
И я паду,—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернить мой недоцвѣтшій геній.

Онъ какъ бы вѣдалъ заранѣе, что геній его останется недоцвѣтшимъ: сравнивая себя съ Байрономъ, онъ еще юношей писалъ:

Я началъ рано, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ.

И въ годъ своей смерти онъ пишетъ „Сонъ“, запечатлѣнный такой силой и правдой ясновидѣнія, которая изумила Вл. Соловьева. Лермонтовъ исполнилъ свое пророчество: онъ погибъ, дѣйствительно, почти „безъ слѣда моихъ надеждъ, моихъ мученій“. О немъ мы знаемъ только то, что онъ открылъ о себѣ въ своихъ стихахъ и прозѣ. Изъ біографіи его мы почти ничего не знаемъ и, вѣроятно, не узнаемъ о его дѣтствѣ, ранней юности, о его единственной и глубоко-значительной любви къ В. А. Лопухиной, не знаемъ ничего окончательно достовѣрнаго о причинахъ его роковой дуэли. Но узнаемъ ли мы подлиннаго Лермонтова и въ томъ, что осталось подлинно-лермонтовскаго—въ лирикѣ и прозѣ? Лермонтовъ умеръ двадцати шести лѣтъ. Умереть двадцати шести лѣтъ, это значитъ быть Данте безъ „Божественной комедіи“, быть Гёте безъ законченной 1-й части и вовсе безъ 2-й „Фауста“, быть Пушкинымъ—безъ второй половины „Онѣгина“, безъ маленькихъ драмъ и „Мѣднаго всадника“, Фетомъ—безъ „Вечернихъ огней“, быть Толстымъ безъ „Войны и мира“ и всего послѣдующаго, быть Достоевскимъ съ „Бѣдными людьми“, но безъ „Преступленія и наказанія“ и „Карамазовыхъ“, это значитъ—не быть вовсе Данте, Гёте, Пушкинымъ, Фетомъ, Толстымъ, Достоевскимъ. Лермонтовъ долженъ быть судимъ въ сравненія съ двадцатилѣтними же Гёте, Пушкинымъ, Достоевскимъ,

и тогда ни Толстому, ни Достоевскому нечего будетъ противопоставить своего—лермонтовскому „Герою нашего времени“.

Быть можетъ, самое страшное въ судьбѣ Лермонтова было то, что смерть не дала ему написать *своихъ* „Братьевъ Карамазовыхъ“ съ благодатно разрѣшающимъ скорби и боренія старцемъ Зосимою, *своего* „Il Paradiso“, *своего* „Эпилога на небесахъ“. Боратынскій глубоко-вѣрно началъ свое стихотвореніе на смерть Лермонтова:

Когда твой голосъ, о поэтъ,
Смерть въ *высшихъ* звукахъ остановитъ...

Низшіе звуки Лермонтова мы слышали: отъ дѣтской подражательности Пушкину, отъ ребяческаго байронизма до мелкой ходячей монеты печоринства, на которую размѣнялось подлинное золото байроновской поэзіи, даже до произведеній юнкера Маѣшки—все прозвучало. Но *высшіе звуки* поэта,—тѣ, которые начально звучать въ его „Молитвѣ“, „Пророкъ“, „Снѣ“, „Вѣтъ Палестины“,—высшіе звуки были остановлены смертью, лишь только они начали звучать. Лишь немногіе разслышали эти высшіе звуки лермонтовской поэзіи и, разслышавъ, поняли готовившееся торжество ихъ въ будущемъ этой поэзіи, которому не суждено было стать настоящимъ. Заслышалъ ихъ К. Н. Леонтьевъ, когда въ „Письмахъ съ Аэона“ писалъ: „Я очень люблю отыскивать у нашихъ свѣтскихъ поэтовъ православные христіанскіе мотивы. У Кольцова, у Пушкина ихъ много. Но у Лермонтова больше всѣхъ. „Молитва“, „Ребенку“, „Вѣтка Палестины“, нѣкоторыя мѣста изъ „Купца Калашникова“, изъ самого „Демона“ могутъ выдержать самую строгую православную критику и благоухающей поэзіей своей могутъ сдѣлать иному сердцу больше пользы, чѣмъ многія скучныя проповѣди“. И больше, и яснѣе всѣхъ, писавшихъ о Лермонтовѣ, заслышалъ эти высшіе звуки великій историкъ русскаго народа Ключевскій, когда писалъ о Лермонтовѣ и Россіи: „Народу, которому пришлось стать между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой. Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія, навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національно-религіозному настроенію, и его грусть становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: *да будетъ воля Твоя*. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своею исторіей не почувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ“.

II.

11 июля 1831 года юноша Лермонтовъ писалъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала.

Всѣ образы мои,
Не походили на существъ земныхъ,
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ.

„Пѣсни земли“ воистину были скучны Лермонтову; 16-тилѣтній мальчикъ, онъ страшился,

Чтобъ бытія земного звуки
Не замѣшались въ пѣснь мою.

Два одновременныхъ видѣнія зналъ юноша Лермонтовъ:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ (1831 г.)
По голубому небу пролеталъ
Однажды демонъ (1831 г.).

Оба видѣнія не разлучались съ Лермонтовымъ во всю его жизнь, но отъ одного онъ убѣгалъ—и это было видѣніе демона, и къ другому онъ шелъ „высшими звуками“ своей поэзіи и жизни—это было видѣніе ангела.

Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Лермонтовъ впервые попытался воплотить ту Темную Тѣнь, которая слѣдовала за нимъ всю жизнь: въ 1829 году написанъ первый очеркъ „Демона“ и „Мой демонъ“. Пять, одинъ за другимъ, очерковъ „Демона“ смѣняютъ другъ друга; поэтъ, едва набросавъ одинъ, переходитъ къ другому; бросаетъ 3-й очеркъ, замѣчая: „я хотѣлъ писать въ стихахъ. Нѣтъ! въ прозѣ лучше“, и всетаки „Демонъ“ остается недовершеннымъ, поэтъ все недоволенъ имъ; между очерками „Демона“ пишутся поэма „Азраилъ“, рядъ мелкихъ стихотвореній, наконецъ, начинается новая поэма „Сказка для дѣтей“,—и все о томъ же. Въ этомъ отношеніи судьбу Лермонтова повторилъ въ наши дни Врубель: исторія созданія имъ своего „Демона“, также недовершеннаго, начавшись съ иллюстрированія лермонтовской поэмы, повторила исторію написанія лермонтовскаго „Демона“. Иногда кажется, что ужъ не поэтъ, а Тотъ, Кого пытался онъ запечатлѣть въ своихъ стихахъ и поэмахъ, былъ недоволенъ ими, требовалъ новыхъ и новыхъ, точнѣйшихъ, окончательныхъ запечатлѣній.

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучомъ чудеснаго огня.

Очень легко объяснять демонизмъ Лермонтова байронизмомъ, счесть за литературный демонизмъ. Но отъ литературнаго, байроническаго де-

монизма поэты обычно вылѣчиваются возрастомъ, переживая его, какъ обязательную поэтическую корь; Лермонтовъ не такъ переживалъ его. Онъ зналъ, что онъ—„*другой*“, но, какъ и англійскій поэтъ, зачарованный *однимъ*: общее у Лермонтова съ Байрономъ—былъ во многомъ, но не до конца единый религіозный путь, и *то, что* оба они увидѣли на этомъ пути.

Зрѣлымъ человѣкомъ Лермонтовъ такъ вспоминалъ о Томъ, Кто впервые предсталъ ему, ребенку:

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебво-сладкой красотой,
Что было страшно.

Отъ „волшебной красоты“ этой Лермонтову стало сладко и страшно на всю жизнь. „Бѣсовъ всегда рисуютъ безобразныхъ“—*такимъ* своего царя Лермонтовъ не рисовалъ никогда. Въ единый образъ Люцифера слились у Байрона Духъ мятежа и Духъ познанія. Величайшее созданіе Байрона, Каинъ, даетъ цѣлостный образъ Люцифера мятежника-познавателя; въ дальнѣйшемъ поэтъ дробитъ этотъ образъ, создавая или *мятежника* (Корсаръ, Мазепа), или *познавателя* (Манфредъ). Такъ же поступаетъ и Лермонтовъ, изображая мятежника по преимуществу (Мцыри, Бояринъ Орша, Исповѣдь). Но въ „Демонъ“ онъ знаетъ цѣлостный и единый образъ—Люцифера, вечерней звѣзды.

Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный,
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ.

Въ монастырѣ Тamarъ онъ является какъ звѣзда:

Въ туманѣ легкою ея мама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда.

„Я—царь познанья и свободы“ самоопредѣляетъ онъ себя, и все, что открываетъ о немъ Лермонтовъ, есть распространеніе этого самоопредѣленія Люцифера: онъ—„вѣчностью и *знаніемъ* наказанъ“, онъ „*познанья* жадный“. Въ своемъ отреченіи передъ Тамарой онъ отрекается отъ двухъ люциферіанскихъ началъ—самоутвердившагося познанія и самочиннаго мятежа:

Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ.

Въ „Сказкѣ для дѣтей“ Лермонтовъ явно ограничиваетъ себя отъ тѣхъ поэтовъ, для которыхъ „чортъ, сатана“—лишь романтическіе побѣги на полѣ общихъ мѣстъ поэзіи:

Этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта,
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ,
Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побуждений.

Эта подлинность, нелитературность, дѣйствительная сила лермонтовскаго демонизма необыкновенно почувствована была Вл. Соловьевымъ: онъ-то зналъ, что здѣсь не байронизмъ, не романтическій канонъ, не вѣдомство профессоровъ исторіи всеобщей литературы,—и въ этомъ причина соловьевскаго предсмертнаго ужаса передъ судьбою Лермонтова, и въ этомъ же огромная правда соловьевскаго изслѣдованія: онъ первый осозналъ вопросъ о Лермонтовѣ, какъ вопросъ религіознаго сознанія.

Самъ Лермонтовъ *тутъ* согласился бы съ Соловьевымъ: оба знали, что не проходитъ даромъ „волшебна-сладкая красота“ Денницы. *Гибелью* назвалъ Соловьевъ судьбу Лермонтова; *гибелью* же не разъ называетъ ее самъ Лермонтовъ:

Я предузналъ свой гибельный конецъ.

„Гордый демонъ“ „не отставалъ“ отъ Лермонтова, но при всякой попыткѣ воплотиться окончательно въ литературѣ и эмпирической дѣйствительности лермонтовской жизни онъ, гордый демонъ, царь познанья и свободы, оказывался обыкновеннымъ чортомъ съ „хвостомъ, длиннымъ, гладкимъ, какъ у датской собаки“, морализирующимъ шулеромъ Арбенинымъ, Печоринимъ, юнкеромъ Маѣшкой, графомъ Діарбекиромъ, авторомъ „Гошпиталя“. Демонизмъ оказывался печоринизмомъ, „царь познанья и свободы“ вызывалъ на дуэль юнкера Грушницкаго, „врагъ небесъ и зло природы“ расписывался при Царскосельской заставѣ російскимъ дворяниномъ Скотомъ-Чубаровымъ. Вновь оказывается нравъ В. Соловьевъ:

Какъ демонъ мой, я зла избравникъ,—

но и зло оказывается такимъ, для котораго не стоило трудиться царю познанья и свободы: достаточно было какого-нибудь „самаго нечиновнаго“ изъ „бѣсовъ безобразныхъ“. Можно было бы привести много свидѣтельствъ, изображающихъ Лермонтова злымъ, сквернымъ, творящимъ нѣчто, отъ чего не отказался бы ни одинъ изъ „бѣсовъ безобразныхъ“. Правъ Вл. С. Соловьевъ. Но онъ забылъ, что въ тотъ самый годъ, когда Лермонтовъ видѣлъ:

По небу голубому пролеталъ
Однажды демонъ,—

онъ видѣлъ и иного, пролетавшаго по небу:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ.

И религізная судьба Лермонтова не завершилась тѣмъ, что его не покинулъ „гордый демонъ“: его также не покинулъ и ангелъ.

III.

Исторія созданія поэмы „Демонъ“ есть исторія самого Лермонтова въ его отношеніи къ демоническому.

Изъ зрѣлыхъ созданій Лермонтова „Демонъ“ болѣе всѣхъ—*замыселъ*, а не *совершенство*; оттого нѣтъ произведенія, которое возбуждало бы столь разнорѣчивые отзывы. Наиболѣе общее отношеніе къ „Демону“ выражено Котляревскимъ: „Наше время не любитъ символовъ, мы хвалимъ и восхищаемся стихомъ, описаніями Кавказа и всей ея (поэмы) сценировкой и проходимъ мимо ея главнаго героя съ какимъ-то предубѣжденіемъ или даже съ насмѣшкой... Весь разговоръ Тамары и Демона—перлъ художественной риторики въ стилѣ В. Гюго“. А В. Розановъ говоритъ о томъ же „Демонѣ“: „Въ сущности Лермонтовъ написалъ одинъ изъ миеовъ. Въ древности его стихотвореніе стало бы священной сагою, распѣваемою ореиками, представляемою въ Элевзинскихъ таинствахъ“. Правы оба: и Котляревскій, и Розановъ. Если-бъ Лермонтовъ *написалъ* „Демона“ въ той силѣ и полнотѣ, которыхъ требовала затронутая имъ проблема, онъ, конечно, написалъ бы одинъ изъ миеовъ. Но онъ только *хотѣлъ* написать *такого* „Демона“; то же, что онъ написалъ, при всей его художественной цѣнности, есть только первый очеркъ, начало *такого* „Демона“, только замыселъ, почти гениальный, но *совершенный*, законченный только, какъ показатель религіозныхъ путей и судьбы самого Лермонтова.

Первые очерки „Демона“ могутъ быть сведены къ несложной повѣсти. Демонъ, наскучившій равно добромъ и зломъ, увидѣлъ монастырь; звукъ лютни исторгаетъ слезу изъ его глазъ. Онъ проникаетъ въ келью молодой монахини.

Онъ искушать хотѣлъ—не могъ,
И удалиться онъ спѣшить—

искать забвенья въ „буряхъ шумныхъ природы“. Но ему кажется: „любить онъ можетъ, можетъ!“ Онъ вновь проникаетъ въ келью дѣвы. Присутствіе ангела заставляетъ его покинуть келью. Онъ въ третій разъ проникаетъ въ нее, лишь только ангелъ удалился. Монахиню онъ прельщаетъ своей вѣчной „грустью и волей“. Между ними происходитъ извѣстный діалогъ:

Мы одни.

— А Богъ?

— На насъ не кинетъ взгляда!

Онъ занять небомъ, не землей.

— А наказанье? муки ада?

— Такъ что-жь? ты будешь тамъ со мной.

Демонъ предлагаетъ монахинѣ раздѣлить его жребій:

Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей.

Если выразить содержаніе „Демона“ 1833 г. въ терминахъ средне-вѣковой демонологіи, оно будетъ кратко: демонъ предлагаетъ монахинѣ стать дьяволицей; она отдается его страсти; ангель молится за душу грѣшницы ¹⁾. Этотъ демонъ, байроническій мятежникъ, романтическій отщепенецъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ эмпирикѣ, превращается въ лермонтовскихъ романтическихъ черкесовъ, въ Арбенина, наконецъ, въ Печорина. Весь демонизмъ такого демона—въ нѣсколькихъ неумныхъ кощунствахъ и соблазнительствѣ дѣвушки. Нѣтъ сомнѣнія, что и такого рода „демонизму“ Лермонтовъ не избѣжалъ отдать нѣкоторую дань, хотя дѣйствительные размѣры этой дани значительно меньше обычно воображаемыхъ: не забудемъ свидѣтельства отлично знавшей Лермонтова гр. Е. Ростопчиной: „Я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, заgrimированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ“. Но отъ этого демонизма Лермонтовъ старательно „отдѣлывался стихами“ и прозой: какъ Гёте убилъ въ себѣ Вертера „Вертеромъ“, Печорина—онъ убивалъ въ себѣ Печоринимъ, а чтобъ это происходило быстрѣе и рѣшительнѣй, Печорину далъ въ спутники Максима Максимыча: кавказскому демонизму, тамбовскому сверхчеловѣчеству пришлось плохо отъ сосѣдства съ добродушнымъ армейскимъ капитаномъ. „Что такое Печоринъ?—спрашивалъ Аполлонъ Григорьевъ.—Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола“. Самъ Лермонтовъ прекрасно сознавалъ это. „Волшебнo-сладкая красота“, отъ которой становилось „страшно“, оказалась въ концѣ-концовъ „красотой безобразной“.

Все содержаніе лермонтовской поэзіи до половины 30-хъ годовъ можно выразить въ его же двухъ строкахъ:

И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Отъ этихъ бурь къ началу 40-хъ гг. осталась лишь какая-нибудь „последняя туча разсѣянной бури“.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной

¹⁾ Въ первомъ очеркѣ (1829 г.) „душа ея (монахини) улетаетъ въ адъ“.

Я скоро тайнство постигъ
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ (1840 г.).

Но отъ всего ли Лермонтовъ могъ „отдѣлаться стихами“? Та неоконченная „Сказка для дѣтей“, изъ которой взято это выраженіе, сама посвящена новому выявленію демона... какого? Мы никогда не узнаемъ. Лермонтовъ думалъ, что Печоринымъ и Арбенинымъ можно отдѣлаться не только отъ Печорина и Арбенина четырехъ измѣреній, но и отъ „Царя познанья и свободы“, „гордаго и нѣмого“. Онъ пишетъ совсѣмъ новаго „Демона“. Почти не осталось слѣда отъ прежняго мятежника; есть отпавшій ангелъ, желающій вновь соединиться съ Богомъ. Еще въ дѣтствѣ слышанное на Кавказѣ преданіе о томъ, что злой духъ можетъ быть прощенъ небомъ, если его полюбитъ чистая дѣвушка, становится содержаніемъ поэмы. Оно давало исходъ мучительнѣйшему вопросу, отъ котораго Лермонтовъ не отдѣлался никакими стихами: да, Печориными отдѣлываются, приходя въ возрастъ, отъ „бурь шумныхъ природы“, но вѣдь остается вопросъ: какъ быть съ отпавшимъ отъ Бога ангеломъ? И можетъ ли изжившее себя и себѣ опостылѣвшее Зло воссоединиться вновь съ Добромъ?

Лермонтовъ отвѣчаетъ на это новымъ „Демономъ“.

Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться.

Демонъ приходитъ въ келью Тамары, ища этого искупленія любовью:

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра,
И мыслить онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Къ Тамарѣ онъ обращается съ мольбой:

Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ.
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ.

Тамара *знаетъ* древнее сказаніе; ее страшитъ лишь то, что именно ей суждено вернуть небу новаго ангела, прежняго врага:

Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?

Она беретъ съ него клятву отреченія отъ злыхъ стяжаній — и демонъ даетъ ее.

Вся поэма становится поэмой искупленія, поэмой женскаго мессіанизма. Спасись женщиной, во имя женщины и ради женщины — этимъ

обнимается вся надежда Демона, какъ и самого Лермонтова въ жизни и творествѣ. Имъ обоимъ кажется, что Богъ, осудивъ ихъ, избиралъ уже, когда осуждалъ, ту, которая должна ихъ спасти:

Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣвъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ сиваго зеира.

Древнее пророчество о Дѣвѣ, которая сотретъ главу змія, Демонъ понималъ, какъ пророчество о дѣвѣ, которая приведетъ его, отпавшаго, къ Богу:

Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ.

Почему же не произнесено это слово? Почему Демонъ, какъ Фаустъ—Маргаритой, не спасся своей Тамарой? Почему проклятіемъ Демона—

И проклялъ демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,—

а не эпилогомъ на небесахъ, какъ 2-ая часть „Фауста“, кончился многолѣтне-выстраданный Лермонтовымъ „Демонъ“?

Демонъ пришелъ искать спасенья къ Тамарѣ, смертной и тлѣнной, онъ замыслилъ спастись дѣвушкой, которая сама, какъ „тварь смертная и стенающая“, нуждается въ спасеніи и очищеніи, и никого не можетъ спасти, такъ какъ сама ждетъ Спасителя. Прошедшій муки земного труда и очищенія, Фаустъ встрѣчаетъ новую Маргариту въ небѣ, Маргариту—иную, новопрекрасную, высвѣтленную приближеніемъ къ Вѣчному Жениху,—и она, новая и святая, молить о немъ, еще не покинувшемъ до конца тлѣна, и сама не можетъ спасти: лишь молить о спасеніи Единую Спасающую—и Фаустъ спасень. Также и Беатриче спасаетъ своего Данте,—но не та флорентинская дѣвушка Беатриче Портинари молить о спасеніи своего жениха, а иная, оправданная, молить Высшее Оправданіе объ оправданіи. Вотъ почему безмѣрно различіе Фауста и Демона, Маргариты и Тамары: тамъ — Chorus mysticus, славословящій Вѣчную Женственность, здѣсь—проклятія обманувшагося Демона.

Въ судьбѣ лермонтовскаго „Демона“ сказалась и религіозная сила, и религіозное безсиліе Лермонтова: сила была въ томъ, что изъ литературы, изъ романтическаго канона Лермонтовъ прорвался первый въ Россіи къ высочайшей религіозной проблемѣ—о конечныхъ судьбахъ Зла и Добра; безсиліе—въ томъ, что онъ и не замѣтилъ, къ чему привела его многолѣтняя поэма. Онъ только, смутно понимая, что у него нѣтъ власти ее закончить, оставилъ ее недовершенной: ибо никогда не считалъ Лермонтовъ „Демона“ законченнымъ.

Посвящая 2-ой очеркъ „Демона“ В. А. Лопухиной, Лермонтовъ писалъ:

Прими мой даръ, моя Мадонна!

Къ ней же обращены его строки:

Моя душа—*твоей* вѣчный храмъ;
 Какъ Божество—*твоей* образъ тамъ;
 Не отъ небесъ, лишь отъ него
 Я жду спасенья своего.

Эти слова могъ бы повторить Демонъ послѣдняго очерка Тамаръ. Варенька Лопухина, вышедшая вполнѣ, какъ пушкинская Татьяна, за пустого и чуждаго ей человѣка, пережившая Лермонтова Варенька, ни разу не давая поцѣлуя Михаилу Юрьевичу, была его единственная любовь, которую Лермонтовъ - *Лермонтовъ* сохранилъ навсегда чистой и неприкосновенной отъ Лермонтова - *Печорина*. Но она, оставшись для него чистой и праведной, не сдѣлала его ни чистымъ, ни просвѣтленнымъ. Она была лишь Тамарой, а не Маргаритой для Лермонтова.

Послѣдній очеркъ „Демона“ уже не посвященъ В. А. Лопухиной. Молитва любимой женщины у Лермонтова смѣняется молитвой Богоматери за любимую женщину, материнскимъ „образомъ святымъ“, цѣломудренно-прекраснымъ образомъ матери, учащей своего ребенка помнить въ молитвѣ еще одно, неизвѣстное ему, но близкое ей имя.

Земль я отдалъ дань земную
 Любви, надеждъ, добра и зла.
 Начать готовъ я жизнь другую.
 Молчу и жду.

Съ этимъ сознаниемъ Лермонтовъ ушелъ съ земли. „Высшіе звуки“ его жизни и поэзіи лишь начинались, но, связанные съ нимъ всѣмъ своимъ существомъ, они были „звуки небесъ“, которыхъ земные звуки ему не замѣнили.

„Ангель“—поэтическая теорія познанія Лермонтова. Онъ самъ былъ, какъ его демонъ, „вѣчностью наказанъ“ и вѣчность не мыслилась имъ только впереди него: онъ зналъ и заднюю вѣчность, за собой:

И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ.

„Высшіе звуки“ его поэзіи—припоминаніе ангельской пѣсни, слышанной душою въ задней вѣчности. Въ проблемѣ примиренія Зла и Добра зашедшій на путь Оригена, въ своей поэтической теоріи познанія онъ встрѣтился съ Платономъ: онъ всю жизнь *припоминалъ* великій міръ изначальныхъ сущностей. Въ вариантахъ „Ангела“ онъ говоритъ то же, что въ автобіографической замѣткѣ:

Душа томилась въ твореньи земномъ,
 Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
 Она все мечтала: о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

А вотъ автобіографическая замѣтка: „Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ея не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бѣ услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать“.

Въ этомъ мучительномъ вслушиваніи въ забытое, но незабвенное заключенъ подлинный паеосъ лермонтовской поэзіи. Онъ всю жизнь *припоминалъ* пѣсню ангела, нѣкогда слышанную имъ.

... умъ мой не по пустякамъ
 Къ чему-то тайному стремился,
 Къ тому, чего даны въ залогъ
 Съ толпою звѣздъ ночные своды.
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ
И что бѣ уразумѣть я могъ
 Черезъ мысленія и годы.

Этихъ „годовъ и мысленій“ не было дано Лермонтову, но начало этого разумѣнія было дано, и оно-то помогло ему отличить *женское* отъ *вѣчно-женственнаго*. Въ „высшихъ звукахъ“ своей поэзіи онъ воистину *припомнилъ* многое изъ „звуковъ святыхъ“, иногда не понимая „значенія ихъ“.

IV.

Есть замѣтка Лермонтова: „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду“.

У той дѣвушки, которую онъ любилъ, были „бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые“.

Въ стихотвореніи, написанномъ 11 іюля 1831 году, Лермонтовъ восклицалъ:

О, когда бѣ я могъ
 Забыть, что незабвенно... *Женскій взоръ!*
 Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!

Но женскій взоръ, который никогда не могъ забыть онъ, у него всегда *лазурный* взоръ. Мальчикомъ же онъ пишетъ слабое стихотвореніе съ смѣшнымъ заглавіемъ: „Очи N. N.“ (1830 г.), и для него

Ихъ (очей) лучъ съ небесъ и, какъ въ разныхъ краяхъ,
 Они блеснутъ звѣздами въ небесахъ.

Женскіе взоры смотрятъ на него; кажется, онъ, дитя, не можетъ никуда уйти отъ голубыхъ взоровъ,—онъ и не ушелъ отъ ихъ лазур-

ности. Въ прозаическихъ стихахъ, 16-ти лѣтъ, онъ уже зналъ, зачѣмъ смотрѣли на него эти взоры:

— И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранить отъ преступлений;
Онъ—слѣдъ единственный младенческихъ видѣній.

(„Первая любовь“, 1830 г.)

Лермонтовъ пришелъ въ міръ съ любовью къ голубому. Все, что онъ любитъ, на что смотритъ,—голубое. Небо какъ будто отразило себя во всемъ, что любилъ или хотѣлъ любить этотъ человѣкъ. Нѣтъ другого поэта, который бы, какъ Лермонтовъ, пришелъ въ міръ, чтобъ видѣть голубое и идти къ сапфирному, но и нѣтъ другого, кто бы такъ боялся признать власть—и единственную власть—свѣтлой лазурности надъ собой.

Дѣвочка съ голубыми глазами, которую полюбилъ онъ десятилѣтнимъ ребенкомъ, была вѣрнымъ образомъ его любви—образомъ женщины Лермонтова. Она же стала его Музой.

У Лермонтова одинъ взоръ во всѣхъ очахъ, — стыдливыхъ, любящихъ, страдающихъ, тусклыхъ, одержимыхъ печалью или пошлостью,—голубой взоръ. Въ чьи бы очи ни глядѣлъ поэтъ,—онъ глядитъ не въ нихъ: онъ ищетъ тотъ голубой взоръ, который нельзя забыть, какъ нельзя—„забыть, что незабвенно“. Никто, можетъ быть, не зналъ столько небесныхъ и не говорилъ такихъ земныхъ и грубыхъ словъ, какъ Лермонтовъ; никто не былъ такимъ двойнымъ, какъ онъ, изъ русскихъ поэтовъ, потому что поэтъ „Демона“ написалъ „Петергофскій праздникъ“, и авторъ „Госпиталя“ писалъ объ ангелахъ. Никто не сказалъ столько высокаго и пошлаго о женщинахъ, какъ некрасивый поручикъ съ злыми словами въ устахъ и дѣтской молитвой, боящейся словъ, въ душѣ. Всѣмъ бы, кого любилъ, отъ кого бралъ наслажденіе, надъ кѣмъ смѣялся, о комъ скорбѣлъ, всѣмъ бы могъ сказать и сказалъ одно и то же:

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю

.....

Когда порой я на тебя смотрю,

Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,

Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,

Но не съ тобой я сердцемъ говорю.

Какое-то голубое всевидящее женское око смотритъ на Лермонтова отовсюду.

И какъ научился онъ слѣдить за блескомъ, за огнемъ, за радостью и печалью сопутствующаго ему голубого взора:

Она поетъ—и звуки таютъ,

Какъ подѣлун на устахъ;

Глядитъ—и небеса играютъ

Въ ея божественныхъ глазахъ. (1837 г.)

Кто она?

Не все ли равно. Въ свѣтской красавицѣ, въ черкешенкѣ, въ дѣвущкѣ тихой среднерусской усадьбы, въ морской царевнѣ—она одна, и одинъ взоръ—тотъ, который какъ небо и въ которомъ играютъ небеса.

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалю голубой;
Какъ поцѣлуй, звучить и таетъ
Твой голосъ молодой.

Онъ говорить мгновенный шутливый мадригалъ свѣтской женщинѣ.
Мадригалъ въ томъ, что

Стройнѣй ея тали
На свѣтъ не встрѣтится,—

но и не замѣчаетъ, можетъ быть, что нарушаетъ легкій стиль мадригала и говорить совсѣмъ, совсѣмъ другое:

И небо Итали
Въ глазахъ ея свѣтится.

А у другой свѣтской красавицы, у той, о которой онъ горько жалѣеть:

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтуція степи
Украины она промѣняла,—

у той—какъ радостно ему сказать!—у той

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки.

И у третьей женщины, про которую сказалъ:

Понять не возможно ее,
За то не любить невозможно,—

любить тотъ же лазурный, прежній взоръ:

Въ глазахъ, какъ на небе, светло.

Начинаетъ „Сказку для дѣтей“—и тамъ тихая дѣвочка, которой залюбовался новый демонъ, пролетая надъ Петербургомъ, росла

Какъ блѣдный цвѣтъ подснежный.

И не очами ли ея плѣнился новый демонъ въ Петербургѣ, какъ прежній на Кавказѣ:

Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно надежду, радость, горе—
И было въ нихъ темно, какъ въ синемъ морѣ.

Кому-то писать незадолго до смерти:

Встрѣчу-ль глаза твою,
Лазурью глубокие—
 Душа имъ навстрѣчу
 Изъ груди проснется.

За нѣсколько дней до смерти увидѣлъ морскую царевну, и примѣтилъ, какъ у ней, у русалки

Синія очи любовью горятъ.

Всюду и вездѣ, во многихъ—видѣлъ Одну, въ разныхъ—Одинъ
 Взоръ:

И странная тоска тѣснить ужъ грудь мою:
 Я думаю о ней, я плачу и люблю,
 Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами, полными лазурнаго огня.

Такъ глубоко-сокровенно было Видѣніе Лермонтова, такъ религиозно-точно могъ онъ сказать о немъ, что doctor Marianus русской поэзіи ¹⁾, вѣрный рыцарь Вѣчной Женственности, Владиміръ Соловьевъ, когда пришлось ему въ автобіографической поэмѣ выражать самое сокровенное своего великаго Видѣнія—Вѣчной Женственности, чтобъ точно выразить небесное словами земными,—взялъ эти слова у демоническаго и грѣшнаго Лермонтова:

И въ пурпурѣ небеснаго блиставья
Очами полными лазурнаго огня
 Глядѣла ты, какъ первое сіянье
 Всемирнаго и творческаго дня.

Все, что любить Лермонтовъ въ мірѣ, все освѣщено ему *лазурнымъ огнемъ*. Для него или холодная тьма или—лазурный огонь: нѣтъ середины.

Кажется, на землѣ онъ любилъ только женщинъ и дѣтей: должно быть, оттого, что въ нихъ чаще мерцалъ голубой взоръ. Но и мужчины,—тѣ, кого онъ любитъ,—у нихъ женскіе взоры, голубые, и они любятъ, какъ онъ, голубое.

Хоронить товарища юнкера,—можетъ быть, одного изъ тѣхъ, для кого писалъ „Госпиталь“ и „Уланшу“—и прощается съ нимъ дорогимъ прощаніемъ:

Прощай, нашъ товарищъ, не долго ты жилъ,
 Пѣвецъ съ голубыми глазами,
 Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ
 Да вѣчную память межъ нами.

Прощался съ умершимъ другомъ, поэтомъ-декабристомъ кн. А. Одоевскимъ, и любилъ его больше всего за вѣчное дѣтство и за голубой взоръ:

¹⁾ Выраженіе Вяч. И. Иванова.

Но до конца, среди волнений праздных

 Онъ сохранилъ и блескъ *лазурныхъ* глазъ
 И звонкій дѣтскій смѣхъ...

Вспоминаетъ о любви Одоевскаго ко всему *голубому*:

Любилъ ты *моря* шумъ, молчанье *синей* степи,—

и радъ, что вокругъ его могилы—

Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
 Судьба соединила такъ чудесно:
 Нѣмая степь *синѣетъ*,—

и тутъ же синяя стихія, любимая обоими:

А море Черное шумитъ, не умолкая.

Поэтъ ангеловъ, онъ и ихъ, бѣлоснѣжныхъ, одѣваетъ въ голубыя одежды:

Съ глубокой думою стоялъ
 Дитя Эдема, ангелъ мирный,
 И слезы молча утиралъ
 Своей одеждою *сапфирной*.

Какъ бы для того, чтобъ ярче подчеркнуть всю тяжесть утраты голубого ока, онъ вѣчною лазурностью неба отгѣняетъ мракъ одеждъ своего демона:

Печальный демонъ, Духъ изгнанья,
 Блуждалъ подъ сводомъ *голубымъ*.

И вновь, встрѣтивъ новую невозможность любви и обновленія, демонъ встрѣчаетъ ангела, несущаго душу Тамары, опять—

Въ пространство *сияло* ээира.

Безнадежности пролога соответствуетъ отчаяніе эпилога. Отъ *голубого* Лермонтовъ не уходилъ даже тогда, когда, можетъ быть, хотѣлъ уйти, когда даже нужно и должно было уйти. Онъ, какъ грѣшный ангелъ его поэмы, не могъ уйти отъ „*сияло* ээира“ ни въ часы тоски, ни въ мгновенія радости, ни въ часы скуки, пошлости, омерзѣнія. У мелодраматической злодѣйки его юношеской поэмы „Литвинка“, пустой, холодной Клары, „очи, голубыя, какъ лазурь“. Даже въ тусклыхъ глазахъ родственницы гоголевскихъ Анны Андреевны и просто пріятной дамы, въ глазахъ тамбовской казначейши—тотъ же голубой огонь:

А глаза...

Ну, что такое бирюза?
 Что небо?

Онъ хотѣлъ бы, чтобы это сошло за шутку въ шуточной поэмѣ: просто посмѣялся надъ глупой казначейшей, похвалилъ такой похвалой,

отъ которой не поздоровится. Но тутъ же не выдержалъ поэтъ и сказалъ правду, почему съ небомъ сравнилъ и ея глаза:

Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей
 И не гоюсь въ число судей.

До смѣшного всегда *голубѣтъ* въ глазахъ этого человѣка. Въ грязи—голубое сѣянье; героиня самаго яркаго произведенія юнкера Маѣшки и самаго позорнаго—поэта Лермонтова, „Гошпитала“,—податливая служанка. И вотъ какъ описываютъ ее сразу двое,—ясно это видно,—юнкеръ-стихотворецъ „Графъ Діарбекиръ“ и великій поэтъ Лермонтовъ: послѣднему принадлежитъ лишь одна строчка:

Ея служанка молодая
 Нескромной бойкостью словъ,
Отелъ очей своихъ лазурныхъ
 Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ
 Неумолимыхъ юнкеровъ.

V.

Въ природѣ для Лермонтова все самое прекрасное—*голубое*, потому что и въ ней, и надъ ней сѣяетъ все то же Голубое Око. Море, небо и горы, да еще степь любить поэтъ. И всѣ они синія, голубыя, сапфирныя. Другой поэтъ боялся бы, а онъ не боится однообразія своихъ эпитетовъ. Не потому они у него однообразны и повторны, что у него нѣтъ другихъ, но потому, что ему другихъ не надо. Онъ—какъ поэтъ-народъ, у котораго море всегда сине. Онъ знаетъ, что въ этомъ вѣчно-синемъ, голубомъ, сапфирномъ—Великое Существо неба и моря, горъ и степей, и эти слова—самыя прекрасныя изъ всѣхъ, которыя можно сказать о нихъ, хотя и самыя простыя.

Вода у Лермонтова всегда вѣрна небу: точно у нея одно призванье—отражать небо, покоить въ себѣ его голубые взоры.

Всюду, вездѣ и всегда, до полного однообразія, вода голубая, синяя ¹⁾: испанскій романтичeskій Гвадалквивиръ, новгородскій Волховъ, грузинская Кура, черкесская Аргунь, Атлантическій океанъ подъ кормой воздушнаго корабля, лунная рѣка русалки, море безпокойнаго паруса,—все голубое, синее, потому что надъ всѣмъ единое голубое око.

¹⁾ „День гасъ. Въ нарядѣ *голубомъ*, крутятся, бѣжить Гвадалквивиръ“ („Исповѣдь“, 1830 г.); „Русалка плыла по рѣкѣ *голубой*“ („Русалка“, 1836 г.); „Твой домикъ съ крышей гладкою... надъ *синою* Курой“ („Свиданье“, 1841 г.); „По *синимъ* волнамъ океана“ („Вовдуш. корабль“, 1840 г.); „Аргуни воды *голубыя*“ („Измаиль-бей“, 1832 г.); „Въ туманѣ моря *голубомъ*... подъ нимъ струя *свѣтлый лазури*“ („Парусь“, 1832 г.); „*Синѣтъ* быстрая рѣка“ („Послѣд. сынъ вольности“, 1830 г.) и такъ далѣе, и такъ далѣе.

У воды есть тоже свой синій взоръ. Каспій принялъ дары голубого Терека:

И старикъ во блескъ власти
Всталъ, могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Не только равнина водная—море, но и равнина земная—степь, для него прекрасна, когда она голубая, какъ степь небесная, „степь лазурная“—небо.

У аравійской пустыни—голубая даль:

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутится песокъ золотой.

Старый русскій теремъ—„безсмѣнный стражъ синѣющихъ полей“ („Литвинка“). Какъ его другъ, кн. Одоевскій, онъ любитъ „молчанье синей степи“; любитъ часъ, „когда садится алый день за синій край земли“.

Какъ голубую воду, какъ синія степи, онъ любитъ и синія горы. Для него пятиглавый Бешту—„туманный, сизо-голубой“. Пушкинъ, даже описывая молитвенный „монастырь на Казбекѣ“, „въ сосѣдствѣ Бога“, какъ будто и не примѣчаетъ этого *благю* въ *голубомъ*, заоблачныхъ монастырскихъ стѣнъ среди голубого неба и синихъ горъ, а для Лермонтова Кавказъ въ своихъ льдахъ и снѣгахъ, какъ море, отражаетъ небо.

Предъ нимъ съ оттѣнкой голубою
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты. („Измаиль-бей“.)

Такими легкими, какъ воздухъ синими, Лермонтовъ ихъ видитъ, какъ будто они, дѣйствительно, не косны, не тяжки, а „полувоздушны“. Не знаешь, что курится, легко віясь: облака ли надъ ними, или они сами выются, огромные, тяжкіе:

И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синія, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека.

(„Измаиль-бей“.)

Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курились, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ. („Мцыри“.)

Такъ, даже недвижная стихія горъ дѣлается у него легкой, воздушной, синей.

Надъ моремъ, водою, степью, горами, такими всегда синими у Лермонтова, вѣчно пылаетъ, не сгорая, вѣчно-голубая горящая купина неба.

Ее больше всего любить поэтъ. Должно быть, онъ долго и много смотрѣлъ на небо, потому что въ русской поэзіи нѣтъ другого такого поэта тверди, какъ Лермонтовъ.

Голубое небо. Каждый поэтъ бѣжитъ отъ этого простого сочетанія словъ, отъ этого слишкомъ общаго эпитета, какъ отъ чего-то ходяче-размѣннаго и банальнаго. И только одинъ Лермонтовъ повторяетъ его, какъ тысячелѣтнюю молитву, всегда, одинаково, не стыдятся повтореній и старыхъ словъ. Арсеній въ „Бояринъ Оршѣ“ изъ тюрьмы смотреть на небо:

Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса.

Но развѣ это романтической Арсеній смотреть? не поэтъ ли за него,—за него, какъ и за плѣннаго рыцаря:

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно,—

за плѣннаго рыцаря, какъ за бѣглаго послушника мцыри:

Сіянемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.

Но Лермонтовъ не только умѣетъ смотрѣть на небо: ему дано чувствовать, что не только онъ смотреть, но и на него смотреть, не переставая, изъ голубой купины,—ловить взглядъ голубого ока. Если-бъ не было надъ нимъ этого взора, онъ не любилъ бы и неба. Оно было бы пусто—онъ самъ призналъ это въ своихъ французскихъ стихахъ:

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Но онъ чуетъ постоянно на себѣ—„твоихъ небесъ прозрачную лазурь“.

У пророка находятся слушающіе и разумѣющіе только среди звѣздъ. Онъ слушаютъ у Лермонтова не только пророка, мудраго земли, но и летящаго „по небу полуночи“ ангела. Тутъ, въ этой вѣрѣ въ звѣзды, въ чуткомъ этомъ вниманіи къ ихъ „слушанію“, къ ихъ поистинѣ „таинственному разговору“ Лермонтовъ далекъ, далекъ отъ современныхъ поэтовъ: въ немъ, быть можетъ, дышитъ здѣсь бессознательно духъ его страннаго предка, чародѣя и астролога, шотландскаго графа Лермы.

Пушкинъ видѣлъ ночной Петербургъ подъ „прозрачнымъ сумракомъ, блескомъ безлуннымъ“ бѣлой ночи, а Лермонтовъ—подъ звѣзднымъ свѣтомъ:

И улыбались звѣзды голубыл,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,

Какъ будто мiръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже.

Улыбка этихъ магическихъ, не подвластныхъ астрономiи, какихъ-то особенныхъ лермонтовскихъ „голубыхъ звѣздъ“ вызываетъ улыбку же на строгихъ и тонкихъ устахъ умнаго духа отрицанiя, пролетавшаго надъ городомъ:

И я тогда... я улыбнулся тоже.

И когда демонъ запѣлъ Тамарѣ нечеловѣческую пѣсню утѣшенiя и покоя, онъ—какъ странно!—„духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“, ненавистникъ неба, запѣлъ о небѣ, о звѣздахъ,—о небѣ, по которому только что пролеталъ ангелъ съ „тихою пѣснью“, внимаемый тѣми же звѣздами, о которыхъ поетъ демонъ. Запѣлъ о тѣхъ же вѣчныхъ небесныхъ странникахъ, бѣгущихъ „степью лазурною“, на которыхъ долго смотрѣлъ самъ поэтъ изъ окна квартиры Карамзиныхъ, уѣзжая на Кавказъ.

Лермонтовъ любитъ синее небо и звѣзды, какъ древнiй вавилонянинъ съ храма, какъ одинокой астрологъ на башнѣ и—кто знаетъ?—не любитъ ли онъ ихъ больше, прочнѣе всего новой любовью, какъ волхвъ-царь, по тропарю Рождественскому, „звѣздою учащiйся“, звѣздою приводимый съ Востока,—съ того самаго Востока, который такъ любилъ Лермонтовъ,—къ яслямъ Виолеема. У него, какъ у нихъ, религiя синевы, неба, звѣздъ; какъ у волхва, у него вѣра въ путеводительство звѣзды. У Лермонтова звѣзды и синь не смотрятъ только, какъ у другихъ поэтовъ, безучастно и спокойно, но онѣ судятъ и укоряютъ людей, улыбаются или ласкаютъ. Ни у кого изъ современныхъ поэтовъ нѣтъ такого живого неба. Оно было у Данте, у средневѣковыхъ мистиковъ, у Франциска Ассизскаго.

Печоринъ записываетъ въ своемъ дневникѣ въ ясное весеннее утро: „Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, *небо сине*—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанiя, сожалѣнiя?“ Въ „Валерикѣ“ поэтъ описываетъ стычку съ горцами. Онъ не судитъ и не осуждаетъ, но небо судитъ, простое, синее небо:

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ;
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркiй сводъ небесъ.

А когда кончилось сраженiе—

Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синь въ дыму пороховомъ.

И начался судъ неба:

Жалкiй человекъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
 Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Небо Лермонтова не разобщено съ землей—и нельзя различить, гдѣ она и гдѣ оно: все единое, нераздѣльное голубое сіяніе, единосущная лазурность неба и земли, какая-то влюбленность неба въ землю, „полная лазурнаго огня“. Только онъ одинъ зналъ о ней—и только онъ сказалъ.

„Выхожу одинъ я на дорогу“—одно изъ послѣднихъ его стихотвореній: еще на землѣ, но небо близко. Еще о земномъ пути, потому что о кремнистомъ, но уже и о небесномъ, потому что надъ нимъ „звѣзда съ звѣздою говоритъ“, и земля—пустыня—слушаетъ Бога: тамъ—„ночь тиха“, тамъ—„звѣзда съ звѣздою говоритъ“; здѣсь—„пустыня внемлетъ Богу“; тамъ—„въ небесахъ торжественно и чудно“, здѣсь—„спитъ земля въ сіяньи голубомъ“. Еще тоска: но уже оттого, что слишкомъ близко небо, слишкомъ слышно то, что нельзя слышать человѣческимъ ушамъ, вмѣстить земному слуху.

VI.

Только одинъ поэтъ русскій зналъ, какъ Лермонтовъ, власть надъ собою *вѣчно голубого*—„Лазурнаго Ока“, озирающаго вселенную. Этотъ поэтъ—Владиміръ Соловьевъ. Онъ прояснилъ, пріоткрылъ намъ Лермонтова.

Лишь забудешься днемъ, иль проснешься въ полднѣ—
 Кто-то здѣсь... Мы вдвоемъ,—
 Прямо въ душу глядятъ лучезарныя очи
 Темной почью и днемъ.

Изъ Соловьева это или изъ Лермонтова? Оба всегда про одно, всегда объ одномъ: это изъ Соловьева столько же, сколько изъ Лермонтова.

Только эти двое—Лермонтовъ и Соловьевъ—въ русскомъ религіозномъ сознаніи постигали природу, какъ вопіющую объ освобожденіи отъ первороднаго грѣха, знали природу высвѣтленную, Богоустроенную. „Подъ грубою корою вещества“—свѣтомъ Божественнаго „лазурнаго огня“ и взоромъ „лазурнаго ока“—они оба прозирали вѣчную космическую „нетлѣнную порфиру“ Божества.

Розановъ правъ, когда, сравнивая Пушкина и Лермонтова, говоритъ: „природа у него (Пушкина) минеральна; у Лермонтова она существенно жизненна“,—такъ же, должно добавить, какъ и у Соловьева: то, что открывалось Соловьеву въ его религіозномъ синтезѣ, Лермонтовъ зналъ въ художественномъ творествѣ.

Изъ-подъ пушкинскаго „равнодушья природы“, прикрываемаго „покровомъ златотканымъ“, изъ-подъ „безчувственнаго тѣла“ прорывается

тютчевскій хаосъ со страшными пѣснями, холодное „разувѣреніе во всемъ“ Боратынскаго, ужасъ передъ природой Тургенева, природа-мастерская Базарова, ужасъ передъ смертью—Льва Толстого.

Для Лермонтова природа жива:

И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена.

Передъ смертью Пушкинъ обращался къ женѣ:

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть *покой и волл.*

Того же хотѣлъ передъ смертью и Лермонтовъ:

Я ищу *свободы и покоя.*

Но пушкинскій покой—„равнодушная природа“. Лермонтовскій покой въ томъ,

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Старый дубъ склонялся и шумѣлъ.

Природа Пушкина—вся въ безконечномъ спокойствіи, вся въ великолѣпномъ своемъ „сегодня“, во всей роскоши и разнообразіи какого-то своего географическаго бытія: у него чаще всего *картины* природы—средне-русской, простой, столь имъ возлюбленной („Онѣгинъ“), или Кавказа и Крыма („Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“). Изъ пушкинской природы вышелъ весь русскій литературный пейзажъ, отъ Тургенева до Бунина. И, однако, въ рѣдчайшихъ случаяхъ, когда Пушкинъ беретъ природу не въ ея прекрасной статикѣ, не въ ея великолѣпномъ равнодушіи, а въ движеніи, въ динамическомъ ея бытіи, онъ создаетъ „Утопленника“, „Зимній вечеръ“, „Бѣсы“, и вѣчно прекрасное природное спокойствіе средне-русской милой равнины смѣняется тогда безумнымъ и безобразнымъ изступленіемъ самыхъ низкихъ и низменныхъ голосовъ хаоса. Тютчевскій вопль—

О, страшныхъ пѣсень сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!—

предрѣшенъ двусторонностью пушкинскаго подхода къ природѣ: его любованіемъ прекрасною „корою вещества“—и младенческимъ ужасомъ передъ тѣмъ, что за нею: недаромъ „Утопленникъ“ и „Бѣсы“—полу-сказки, а въ „Зимнемъ вечерѣ“—няня.

Лермонтовъ увидѣлъ вселенную и природу въ свѣтѣ „лазурнаго огня“, какъ Вл. Соловьевъ увидѣлъ ее впоследствии, еще дѣйствителнѣй и явнѣй, въ свѣтѣ „Лазурнаго ока“. Никогда не сомнѣвался Лермонтовъ, вмѣстѣ съ Тютчевымъ, о природѣ:

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

У вѣрнаго этому „языку“ Лермонтова совѣмъ особый языкъ, когда онъ говоритъ о природѣ: здѣсь онъ пріобрѣтаетъ совѣмъ особую, символическую, почти религіозную точность и силу. Природа у Лермонтова одухотворена, какъ Божественное Существо, она высоко-лична, у нея свой—и безсмертный—ликъ. Пантеистическое обоготвореніе природы невѣдомо Лермонтову. Все на свѣтѣ онъ разсматривалъ, какъ свое личное дѣло: вопросъ добра и зла—какъ свою личную тяжбу съ Богомъ,—и исчезнуть въ пантеистической, хотя бы и божественной, безличности для него, обострившаго личное начало до предѣла, было невозможнымъ. Отъ вѣры во многія души природы („И въ морѣ каждая волна была душой одарена“), которой не былъ чуждъ въ ранней юности, Лермонтовъ перешелъ къ вѣрѣ въ природу и вселенную, надѣленную отъ Бога единой и безсмертной душой, понялъ природу, какъ Великое Существо съ Божественной Душой—сіяющей какъ „Солнце міра“ (Фетъ), взирающей какъ „Лазурное око“ (Вл. Соловьевъ), источающей изъ очей своихъ „Лазурный огонь“ (Лермонтовъ):

Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,
И звѣрь, и огонь, и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлять прахъ мой—и душа моя
Съ душой вселенной, какъ зѣрнь съ зѣромъ,
Сольется.

Лучшая изъ поэмъ Лермонтова „Мцыри“—вся жажда по этому сліянію души человѣческой съ Душой вселенной, свѣтящейся „лазурнымъ огнемъ“. Въ этой жаждѣ природа сліянна съ Богомъ, ибо Богомъ высвѣтлена и Имъ укрощенъ хаосъ:

И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ.

Сліяніе съ Міровой Душой, съ Вѣчною Женственностью, насыщеніе себя міровой одухотворенностью для человѣка, какъ и для всякой твари, возможно лишь въ Богѣ, и это понялъ умный духъ отрицанія, демонъ, когда признается Тamarъ:

Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось,—съ того же дня

Природы жаркія объятія
 На вѣкъ остыли для меня.
 Синѣло подо мной пространство,
 Я видѣлъ брачное убранство
 Свѣтиль, знакомыхъ мнѣ давно
 Они текли въ вѣнцѣ изъ злата;
 Но что же?—прежняго собрата
 Не узнавало ни одно!

Природа, не принимаемая въ Богѣ, обращается къ человѣку своимъ „равнодушіемъ“, внѣшнимъ великолѣпіемъ, непреходимой тайной и явнымъ, грознымъ тлѣніемъ. Мейстеръ Экхартъ говорилъ о Богѣ и природѣ: „Онъ присутствуетъ въ камнѣ и въ кускѣ дерева, но они этого не знаютъ. Если бы знало дерево о Богѣ и сознавало близость Его, какъ сознаетъ это верховный ангель, то и дерево обладало бы тѣмъ же блаженствомъ, что и верховный Ангель“. „Природа въ своемъ сокровеннѣйшемъ ищетъ и мыслить Бога“.

Человѣкъ *между* Богомъ и природой: ища Бога, онъ обрѣтаетъ и природу, ибо совпадаетъ съ нею въ послѣднемъ ея устремленіи, указываемомъ Экхартомъ въ согласіи съ ученіемъ апостола Павла, и, будучи частью ея, онъ помогаетъ извѣстному процессу природнаго Бого-сознанія. Отпадая отъ Бога, онъ не находитъ природы. Мцыри, *знавшій*, что природа жива, смутно равшійся къ блаженной Душѣ міра, но пытавшійся обрѣсти Ее *внѣ* и *вопреки* Богу, не нашелъ Ея. Не Она смотрѣла на него очами, „полными лазурнаго огня“,—на него

милліономъ черныхъ глазъ
 Смотрѣла ночи темнота
 Сквозь вѣтви cadaго куста. 1)

Грудь земли не оказалась для Мцыри, едва ли не послѣдняго лермонтовскаго бунтовщика, грудью матери, какъ для Алеши Карамазова, въ Богѣ припадающаго къ землѣ и благодатно повергающагося на нее. Алеша благословенно плачетъ на материнской груди. Мцыри упаль— „и грызъ сырую грудь земли“.

То же случилось и съ Демономъ: бессмертная и божественная сила вселенской жизни, Міровой Души,—

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
 Стозвучный говоръ голосовъ,
 Дыханье тысячи растений,—

не возбуждаютъ въ немъ „ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ“, ничего, „кромѣ зависти холодной“.

1) Этотъ лермонтовскій образъ ночи, какъ обиталища поныи живого и живущаго Хаоса, поразительно совпадаетъ съ тютчевскимъ образомъ того же:

Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
 Глядитъ изъ cadaго куста.

Черезъ природу, черезъ молитвенное касанье къ Мировой Душѣ, св. *Sofia*,—къ Богу: таковъ путь Лермонтова, отъ Лазурнаго огня вселенной—къ Вѣчному Источнику Лазури.

Предъ чистымъ Ликомъ природы совершается преображеніе поэта:

Тогда *смирятся* души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ
И въ небесахъ я вижу Бога.

VII.

Лермонтовъ—поэтъ безыменный.

Чувствуетъ, что кто-то, не переставая, смотритъ на него, чье-то Лазурное око видитъ надъ собой, но молчитъ. Словно боится имени. Всю жизнь кому-то шлетъ признаніе, всю жизнь любитъ.

Тѣмъ, другимъ, живымъ, встрѣтившимся въ жизни, нослщимъ имена, говоритъ постоянно:

Нѣтъ! не тебя такъ пылко я люблю!

Многихъ любилъ, многими обладалъ, многихъ ненавидѣлъ, но, кажется, всѣмъ бы могъ сказать то же, то же:

Нѣтъ! не тебя такъ пылко я люблю!

Всѣмъ давалъ имена и названія, то нѣжныя, то шутивыя, то злыя, а вотъ этого-то Имени, единственнаго, которое нужно было произнести, боялся произнести, не могъ произнести.

Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Вѣримъ, что есть въ этой молитвѣ „сила благодатная“, вѣримъ, что тамъ—„святая прелесть“. Хотѣли бы молиться, хотѣли бы скатить съ души бремя,—но кому же будемъ молиться? Во имя кого сложена молитва, которую онъ твердилъ наизусть? Не сказалъ. И какая эта молитва? Не знаемъ.

Есть рѣчи: значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волнепья
Внимать невозможно.

Часто и самъ говорилъ рѣчи—„значенье ничтожно“; хотѣлъ, чтобы и другіе слышали отъ него лишь эти рѣчи, но въ нихъ, тамъ,—какъ

за синими глазами податливой служанки,—слышалъ другое значеніе, другой познавалъ смыслъ и внималъ долго съ волненіемъ:

Душа ихъ съ моленъемъ,
Какъ ангела, встрѣтитъ
И долгимъ бѣнъемъ
Имъ сердце отвѣтитъ.

Послѣ Лермонтова,—какъ значится въ описи его имущества,—осталось „четыре образа и серебряный натѣльный крестикъ, вызолоченный, съ мощами“.

Существуетъ разсказъ о томъ, что Лермонтова, печоринствующаго отрицателя, злого Лермонтова, одинъ изъ его товарищей засталъ однажды въ церкви. Онъ молился на колѣняхъ.

Такимъ же тайнымъ молитвенникомъ, явнымъ отрицателемъ, былъ онъ и въ жизни, и въ поэзіи. Быть можетъ, ни у одного изъ русскихъ поэтовъ поэзія не является до такой степени молитвой, какъ у Лермонтова, но эта молитва—тайная.

Лермонтовъ слылъ безбожникомъ—и прослылъ имъ донинѣ. „Лермонтовъ не былъ никогда религіознымъ человѣкомъ“, утверждаетъ академикъ Котляревскій, повторяя здѣсь лишь то, что почти всеми думается о Лермонтовѣ.

И все же, *правда* о немъ—то, что увидѣлъ заставшій его въ церкви товарищъ, а не то, что увидѣли его критики, друзья и враги. Молитва Лермонтова тайна, сокровенна; хула—явна, примѣтна. Молитва его стыдлива, она боится, чтобъ не нарушилось ея одиночество, и она *сознательно* скрытна, затаенна, прикровенна. Въ не предназначавшейся для печати автобіографической поэмѣ „Сашка“ есть мѣсто, рѣшающее споръ о первичной, изначальной религіозности Лермонтова:

Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный
Мои слова прославить, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда
И *поневоля* станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

Боязнь „шпіона ничтожнаго“ сдѣлала молитву Лермонтова скрытной, утаенной, какъ будто не существующей.

Но навсегда осталась привычка „поневоля лицемѣрить“—подъ явной хулой хранить тайную молитву.

Тутъ еще разъ вскрывается противоположность Пушкина и Лермонтова.

Величавая славянская молитва Пушкина „Отцы пустынники“—не молитва вовсе: переложеніе молитвословія, разсказъ о молитвѣ, читаемой постомъ. Пушкинъ любитъ передавать молитвы, рассказывать, что

читаютъ на молитвѣ. Мальчикъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ читаетъ молитву за царя, опять великолѣпную, подлинно церковно-славянскую, православную молитву, а слушаютъ ее лукавые бояре съ хитрымъ Шуйскимъ, и если молятся, то сердцемъ просятъ обратнаго, чѣмъ устами. Пушкинъ можетъ—и *никто* другой такъ не можетъ!—передать о томъ, какъ молится правовѣрный о гибели гяуровъ („Стамбуль гяуры нынче славятъ...“), какъ арабъ хвалитъ всесоздавшего Аллу, онъ передаетъ религиозную муку суроваго пуританина („Странникъ“), онъ расскажетъ просто и прекрасно о любезной ему картинѣ, висящей передъ нимъ—о ликѣ Мадонны, онъ съ негодованіемъ сравнитъ николаевскихъ солдатъ, охраняющихъ „Распятіе“ Брюллова съ мирноносцами, охранявшими Распятіе Господне—онъ рассказываетъ, передаетъ, описываетъ, читаетъ молитвы. Есть молитвословія, христіанскія, магометанскія, есть слова молитвъ, но нѣтъ молитвы.

Обратное—Лермонтовъ. Есть молитва—и нѣтъ молитвословія. По обращенію есть только одна молитва „Я, Матерь Божія“, не похожая ни на одну молитву ни въ одномъ молитвенникѣ; по устремленію, по сокровенному порыву, по радости или мукѣ, всѣ стихи—молитва.

Но средь безгласныхъ, сокровенныхъ, защищенныхъ отъ людскаго слуха „лицемѣремъ поневолѣ“ молитвъ Лермонтова есть одна, больше всѣхъ сокровенная, но—къ счастью нашему—не до конца безгласная. Мы одинъ лишь разъ услышимъ, Кому возносится эта молитва, но мы разслышимъ многія слова, многія воздыханія лермонтовской молитвы, прочтя это единственное молитвословіе Лермонтова:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
 Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
 Не о спасенія, не передъ битвою,
 Не съ благодарностью иль съ покаяніемъ,
 Не за свою молю душу пустынную,
 За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,
 Но я вручить хочу дѣву невинную
 Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

И это единственное молитвословіе Лермонтова—молитва не о себѣ: и здѣсь онъ остался до конца безмолвникомъ, неисповѣдникомъ. Эта молитва—Единой спасающей *Жень*—о спасеніи милаго *Женственнаго* земли, молитва о той, которой когда-то онъ надѣялся спастись самъ.

Въ этой своей молитвѣ Лермонтовъ—глубоко-народенъ. Русская молитва есть по преимуществу молитва къ Богоматери и только черезъ Нее ко Христу. Мы не знаемъ многихъ образовъ Христа, но образы и иконы Богоматери многообразны: точно вся многообразная народная скорбь и печаль многообразно прибѣгала къ Многообразной Заступницѣ. Молитва къ Богоматери—простѣйшая, дѣтская, женская молитва, и ею—

то впервые помолится Лермонтовъ, уже не боясь креститься при „шпіонѣ ничтожномъ“.

Въ этой молитвѣ Лермонтовъ соединилъ свою религіозную судьбу съ религіозной судьбой русскаго народа.

Увидѣвъ вселенную въ свѣтѣ лазурнаго огня, порываясь къ голубоокой „душѣ вселенной“ (въ поэмѣ своей „Сашка“), Лермонтовъ пришелъ къ тому, чему, много лѣтъ спустя, жизнью, поэзіей и мыслью послужилъ Вл. Соловьевъ,—къ признанію бытія этой души вселенной (у Соловьева такъ же, какъ у Лермонтова: „душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви“), св. Софіи,—той св. Софіи, „которой наши предки, по удивительному пророческому чувству, строили алтари и храмы, сами еще не зная, кто она“ (Вл. Соловьевъ). Подобно этимъ предкамъ, еще „не зная, кто она“, Лермонтовъ воздвигъ ей то, для чего создается самый храмъ,—молитву, тайную и сокровенную, но молитвословіе его, какъ и ихъ, было къ единой Женѣ—къ Богоматери. Въ древней Руси праздникъ св. Софіи совпадалъ съ днями Успенія и Рождества Богоматери, и въ церковной службѣ св. Софіи величаніе Ей совпадаетъ съ величаніемъ Богоматери. *Въчно - женственное*, стремящееся къ полному воссоединенію съ Богомъ, праведно припадаетъ здѣсь къ *Совершенной женѣ*—Богоматери, одинаково вмѣстившей *Женственное земли и неба*. Вотъ почему, подобно русскому народу, ощущая и почитая предчувственно св. Софію, Лермонтовъ молитву, свою единственную молитву, слагаетъ *Богоматери*. Ея благоуханнымъ именемъ онъ, такъ боявшійся произнести Имя, завершилъ тотъ „тайственный разговоръ“ съ Женственнымъ Существомъ „съ глазами, полными лазурнаго огня“, которымъ былъ занятъ всю свою жизнь.

Сергій Дурылинъ.